

А.Н. ИЩЕНКО (ст. преп.)

Донецкий национальный технический университет

racio@list.ru

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛЕКТИКИ В СИНТЕЗИСЕ С СОЦИАЛЬНОЙ СИНЕРГЕТИКОЙ: (ПРОБЛЕМА СБОРКИ КОНЦЕПТОВ)

На основе дополнительности методов диалектики и синергетики в статье предложено обоснование концепта устойчивого развития. Компаративный анализ точек зрения В.П. Бранского и Н.Н. Моисеева приводит автора к идее сборки концептов, которая даёт ключ к решению вопроса об устойчивом развитии как задаче по оптимизации потерь.

Ключевые слова: диалектика, синергетика, дополнительность, устойчивое развитие, механизмы сборки, сборка концептов, логика действий, теоремы диалектической логики, проблема глобального управления, оптимизация, теория игр, ассоциированный субъект.

Замысел этой публикации вынашивался с трудом. Для его окончательного оформления не хватало совершеннейшего пустяка, о котором давно догадывался выдающийся основатель античной механики, живший в Сиракузах. До нас не дошли сведения о том, умел ли он слушать музыку сфер, подобно своему полубогородному италийскому предшественнику. Зато доподлинно известно, что в современном контрапункте, озвученном инструментами науки, точками ритмической и смысловой опоры друг для друга и, соответственно, их композиционной сборки выступают диалектика и синергетика.

Об ансамблевых свойствах этих дискурсивных систем не имелось еще ясного представления даже у основателя квантовой механики датского физика Нильса Бора. Он мог лишь смутно прозревать их дополнительность, открытую не раньше открытия самой синергетики. В отличие от него, мы уже можем внести посильную лепту в интерпретацию и популяризацию дискурсивных свойств этих двух метаязыков науки, обладающих несомненным эвристическим потенциалом, расширяющим прогностические возможности научного знания и способным если не перевернуть, то продвинуть его немного вперед – по крайней мере, под действием гипотетических эффектов такого пифагорейского транспонирования ("интервальности")^[1].

1. Постановка проблемы.

В качестве отправного момента для означенного движения ("контрапункта") предлагаем принять к рассмотрению идеи, сформулированные в работах В.П. Бранского и Н.Н. Моисеева.

Начнем с уяснения механизма социальной самоорганизации, описание которого в терминах синергетики дает повод к определенной содержательной интерпретации колебательных процессов в социуме, сопряженных с периодическим выходом за пределы устойчивости и возвращением к ее новой форме. Эти изменения описаны Бранским как чередование иерархизации и деиерархизации, т.е. «последовательное объединение элементарных диссипативных структур в диссипативные структуры более высокого порядка» и, наоборот, «последовательный распад сложных диссипативных структур на более простые» [1, 118-119].

Спектр направлений, в которых сложный процесс реструктурирования социальных систем идет по типу эволюции диссипативных структур, не произволен. Бранский отмечает, что не в пример системам, описываемым средствами динамического детерминизма лапласовского типа, этот процесс подчинен стохастическим, вероятностным законам. И если так, то очевидно, что для его математического описания надо искать средства, предложенные представителями "королевы наук" от Б. Паскаля до Дж. фон Неймана.

В цитируемой нами статье и ряде других работ В.П. Бранский дает, по сути, качественное описание социальных процессов в терминах вероятностного подхода и не ищет инвариантов в системах исчисления. Между тем, сходство описанной Бранским периодичности процесса самоорганизации с некоторыми другими стохастическими моделями наводит на размышления. Велико искушение сослаться в данном случае на функцию минимакса, которая уже получила применение в философии [2]. Но едва ли не больший интерес вызывают те примеры использования минимакса в решении технических задач, на которых эта функция периодически достигает точек максимума и минимума, представляя наглядный и демонстративный пример изоморфизма с моделями чередования наибольшей/наименьшей упорядоченности Бранского. Мы еще не раз вспомним об этом структурном сходстве, но уже сейчас, согласно предъявляемым к научным публикациям требованиям, следовало бы обозначить предметные границы и цели такого сопоставления.

Однотипность условий в процессах, которые описывает Бранский, и в задачах, решение которых предложено Дж. фон Нейманом на основе математической теории игр, мы предлагаем принять в качестве общенаучного (по отношению к корпусу философских рассуждений) допущения, или аргумента "от Пифагора". Специфическое же различие этих условий заключается в степени определенности субъекта описываемых процессов и заслуживает отдельного исследования. В случае с Нейманом субъект идентифицирован предельно точно. И напротив, условия, описанные Бранским, не связаны с однозначной идентификацией и персонализацией субъекта. Однако это не исключает ассоциированного определения субъекта (по образцу теории субъекта Гегеля), после чего решения типовых задач, которые восходят к описаниям Бранского, могут быть редуцированы (аппроксимированы) к теоретико-игровым решениям фон Неймана, как предельному случаю.

Очевидно, предполагаемая осуществимость будет доказана, если мы найдем аргумент "от Платона", который позволил бы в описанных Бранским процессах отчетливо выделить субъектную составляющую. В известном смысле речь идет о мысленном эксперименте аналогичном тем, которые связаны с именами Максвелла, Лапласа и, в эталонном для философии случае, Сократа (демону которого сам Гегель дал вторую жизнь на уровне философии истории). Подобные допущения способны превратить философию, науку и, конечно, поэзию в теодицею [3] или, как минимум, антроподицею, которая благодаря антропному принципу все чаще встречается в метафизических основаниях глобалистики.

Но вернемся к условиям конкретной задачи Бранского ^[2].

В лапидарном виде эта задача принимает вид задачи управления вероятностью. В более строгой теоретической форме ее цель сводится к оптимизации потерь (Дж. фон Нейман), а для условий с нечетко определенным субъектом она релевантна комплексу мероприятий по организации и контролю устойчивого развития (Г.Х. Брундтланд). Возможно, такое уточнение снимет сформулированные Н.Н. Моисеевым сомнения по поводу ее осуществимости. Моисеев находит онтологический парадокс в концепте устойчивого развития, полагая, что понятия устойчивости и развития исключают друг друга [4]. Концепт неопределенности присутствует и в стохастических моделях Бранского. Возникает даже иллюзия, что Бранский с феноменальной легкостью преодолевает тот рубеж, перед которым останавливается Моисеев, потому что ему, в отличие от коллеги, знакомы идеи дополненности.

Но дело не в незнании Моисеевым законов квантового мира или конкретики процессов глобализации, понимание которых облегчается благодаря синергетике. Суть дилеммы, преднамеренно персонифицированной нами в данный момент, состоит в том, что осторожность Моисеева основывается на остром переживании потребности в трансформации чрезмерного оптимизма в сфере глобальных прогнозов в умеренный и осторожный априорный синтез в кантовском его понимании. Глобальные трансформации должны осуществляться на осмысленной рефлексивной основе, а не только на интуициях. У человечества остается все меньше времени на исправление ошибок. В этом позитивный смысл идеи Моисеева, настаивающего на правильном понимании механизмов сборки, которые ложатся в основу современного глобального регулирования. На сленге логиков и математиков это означает, что от аксиом и общих принципов в этой области следует переходить к определению и обоснованию соответствующих теорем.

Разумеется, такие теоремы должны отталкиваться от некоторой самоочевидной аксиоматики. В связи с чем нам снова придется вернуться к эскизно намеченной выше компаративистике и изоморфизмам, извлекая из них необходимые для идентификации субъекта социальной синергетики постулаты.

2. Мотивированный выбор дискурса (предмета).

Главная трудность при идентификации субъекта в задаче Бранского состоит, прежде всего, в том, что он множествен и не локализован по виду деятельности. В синергетической модели социальной эволюции он представлен нормальным аттрактором, благодаря которому система предельно структурирована и успешно адаптируется к среде. Но он же на нижней границе устойчивости системы персонифицирован и в странном аттракторе, благодаря которому система еще сохраняет свои параметры и не распадается как целостность.

Кроме того в синергетической модели эволюционного процесса представлены и такие варьированные конкретными условиями и уровнями системной организации модусы субъекта, как детектор и селектор. Первый формирует из наличного тезауруса диссипативных структур ту ограниченную комбинацию элементов бифуркации, которая наиболее предпочтительна для дальнейшей эволюции. Второй, задавая извне вектор эволюции системы, корректирует первичный отбор факторов бифуркации, выбирая детектор. При этом возможно и обратное влияние детектора на выбор данной системой селектора, т.е. вектора своего развития. Эта их взаимная обусловленность задана, в конечном счете, принципом устойчивости, определяющим «закон отношений внутреннего взаимодействия в системе с ее внешним взаимодействием со средой» [1, 120].

Но и это не все. Значительную трудность для понимания представляет то обстоятельство, что субъекта в привычном для нас понимании в этой структуре может и не быть. Все перечисленные нами активные компоненты являются, как правило, ассоциированными субъектами и заданы в этой сложной системе через их процессуальные характеристики. Следовательно, теория субъекта, которую мы собираемся построить, должна опираться на логику действий, представленную как базовый дискурс, посредством которого раскрывается сложное взаимодействие пассивных и активных компонентов саморазвивающейся социальной системы.

Сверх того, любая социальная система может быть идентифицирована в ее целостности как субъект более высокого порядка, а простые диссипативные структуры, из которых она состоит, в свою очередь реконструированы и описаны в терминах субъект-объектных отношений, насколько это допустимо в логике действий. Отсюда первое фундаментальное положение, которое нам следует принять: исходной элементарной структурой теории субъекта является действие, а его базовые свойства постулируются без доказательств.

В настоящее время существует несколько акциональных логик. Выбор наиболее предпочтительной из них – вопрос техники. Оставляем его для практических задач. Но фундаментальные свойства действия, такие как предметность и полимодальность, должны быть априорно заданы в исходном определении для успешного решения задач нашего типа. Их смысл в субстанциальности действия, в том, что "в начале было дело". Таким образом, мы сознательно выбираем дискурс, в границах которого вещи производны от процессов, а их определения заданы неклассической диспозицией «вещество-энергия», в интервале которой согласно принципу неопределенности вещь выступает как "онтологическое место действия", вместо определений действия как "онтологического места вещи" при классическом субстратном взгляде на мир.

Отсюда второе аксиоматическое положение логики действий, которое должно быть артикулировано в форме принципа предметного многообразия объекта. Смысл его в том, что объект в логике действий не дан непосредственно, а задан через совокупное определение системы действий. Постулируемая релятивизация объекта восходит к пониманию его как компонента диссипативной структуры нижнего уровня и является логическим условием непротиворечивого описания процесса через тезаурусный набор его вещественных начал, проявляемых в субъект-объектном взаимодействии и фиксируемых в его акциональных определениях.

И, наконец, третье положение эскизно намеченной нами аксиоматики должно включать момент, связанный с информацией. Этот дискурсивный компонент встраивается в логику действий на основе леммы об исходных уровнях предмета. Смысл этой леммы в том, что эмерджентные свойства материальных систем раскрываются в диспозиции «энергия-информация», понятой как структурообразующий принцип и специфический модус действия. В пределах этого субстанциального баланса субъект-объектные взаимодействия и интересубъектные связи первичного уровня диссипации образуют новую форму целостности. Эта лемма предписывает топологию, в пределах которой становится возможным описание данной формы целостности с ее системными свойствами. Речь идет об уровнях «микро» и «макро», в границах которых априорно, до их эмпирического выявления и самораскрытия задано существование специфических и общих системных связей на конечном множестве объектов и субъектов данного типа. Свойство эмерджентности системы в первом приближении раскрывается через обратное

отношении энтропии данного уровня системной организации к интенсивности информационного взаимодействия на очередном уровне системной сложности.

Подводя предварительный итог аксиоматическим построениям, в ходе которых определены три базовых понятия, а именно: постулат действия, принцип предметного многообразия объекта и лемма об исходных уровнях предмета, – следует оговорить еще один промежуточный и важный момент. Нетрудно видеть, что с формальной стороны выведенные нами понятия логически связаны между собой и с этой точки зрения напоминают скорее теоремы, чем аксиомы. Кроме того, каждое из них базируется на метатеоретических идеях и образах, заимствуемых из синергетики. Такая ситуация естественна для развития теории. Аксиомы Эвклида тоже являются логическими теоремами, которые на языке геометрии получают статус аксиом. В нашем случае этот парадокс аналогичным образом разрешается благодаря тому, что мы на базе логики действий строим теорию ассоциированного субъекта. Мы уже предположительно нашли для этой теории натурфилософские основания в виде приемлемых математических исчислений (Дж. фон Нейман), а также синергетическую модель социальной истории (В.П. Бранский). Логика действий, к которой мы обратились для построения аксиоматики, является не более чем очередным компонентом дисциплинарной матрицы (по Т. Куно). Кроме того, перед нашим мысленным взором витают образцы теоретических построений отечественной школы системных исследований. К ним восходит формальный мотив нашей работы, представленный в дисциплинарной матрице Куна четвертой позицией [5, 243-244]. Но более всего хотелось бы внести посильный вклад в восстановление и развитие отечественных традиций диалектической логики как философской методологии.

3. Основные теоремы акциональной эвристики.

Продолжая поиск правил и принципов "сборки концептов", открывающих путь к решению задачи Бранского, пора оговорить момент, связанный с тем, что разрешение ее лежит в междисциплинарной области, где герменевтика и диалектика должны сопрягаться с эпистемологией и эвристикой. В данном разделе представлена система нестрогих конструктов, относящихся к философско-методологическому уровню знания. По сути это перечень теорем диалектической логики, переведенных на язык логики действий и дающих ключ к обоснованию понятия ассоциированного субъекта.

а) теорема об абстрактном;

Исходное место в реконструкции искомого понятия на языке логики действий занимает теорема об абстрактном. Ее адекватное понимание основано на принципе тождества диалектики, логики и теории познания. Безотносительно к мировоззренческой интерпретации этого принципа основанная на нем теорема позволяет конструировать понятие абстрактного как системного целого, элементарная форма которого с необходимостью включает в себя три основных компонента – объект, субъект и предмет.

Содержательное обоснование этой теоремы восходит в нашем случае к лемме об исходных уровнях предмета. Напомним, что со стороны синергетики лемма об исходных конституируется образом развивающейся предметной области, у которой есть нижняя и верхняя границы устойчивости. При этом обе границы заданы структурообразующей функцией аттракторов, а также отношениями детекторов и селекторов, определение которых отражает баланс эмерджентных свойств системы. В специфицированной дискурсивной форме эта сложная структура может быть представлена наличием тезауруса вещественных компонентов системы (класс объектов), способа их перехода от диссипации к бифуркации (ассоциированный субъект) и целевой функциональностью, которая определяется законом относительно обособленного существования данной системы в хаотической или упорядоченной диссипативной структуре сопредельного уровня системной организации (предметное определение целого).

Основной и универсальный источник обоснования теоремы об абстрактном – это структура предметно-практического отношения, воспроизведенная в терминах логики действий. Объект в этой логике раскрывает свои свойства через горизонтальные связи и взаимодействия с однотипными ему объектами. Он же обретает первичные эмерджентные качества, переходя из хаотической среды в пространство субъект-объектных отношений более сложной системы. По поводу этих его новых качеств формируются случайные интерсубъектные связи на уровне «микро». Принимая устойчивый характер, они образуют новую форму системных связей и их эмерджентных свойств, которых не было в

бессубъектном конгломерате, отображенном в лемме об исходных. Субстанциальной основой новых связей эмерджентного типа становится информационное взаимодействие со средой, которое конституирует данную предметную область как целостность с ее топологическими характеристиками, включающими шкалу количественных оценок и ценностных приоритетов.

Говоря об универсальной форме представления этой теоремы, следует учитывать граничный переход между системами разного уровня и особенность теоретического движения мысли, в пределах которой лемма об исходных становится последней ступенью логического анализа объекта и способом перехода к логическому синтезу, на котором познающему субъекту открывается в полном объеме "феноменальная" структура предметной области, к изучению которой он приступает.

При этом надо различать момент натурфилософской идеализации, подвергнутый критике Н.Н. Моисеевым в тех редукционистских построениях, где в духе лапласовского познавательного оптимизма допускалась возможность выведения всех свойств живого из вновь открытой структуры атома с его ядром и электронными орбитами. Не слишком продуктивна в познавательном отношении и избыточная реалистическая идеализация форм целого у В.П. Бранского, рассуждающего (вслед М.С. Кагану или, по большому счету, Ф. Шеллингу) об абсолютном техническом и художественном произведении как «пределах культурного развития человечества» [1, 122]. Такая абсолютизация может пригодиться для решения некоторых умозрительных задач на уровне мегаистории. Однако к подобным идеализациям не проявляет склонности Н.Н. Моисеев, который с осторожностью эмпирика-индуктивиста подвергает придирчивому анализу частные научные методы, пригодные в синергетике. Со свойственной умеренному концептуализму осторожностью он принимает идею предела как минимизации энтропии, отображаемой в терминах функционала, с учетом тех неизбежных и трагических потерь, которыми принцип эмерджентности сопровождается в обозримой эволюции живых систем, с лихвой взывая плату за прогресс инстинктом смерти и самопожертвования [6].

Очевидно, оппозиция оптимизма и пессимизма может принимать в подобных, прямых и обратных редукционистских построениях не только гносеологический, но и деонтологический характер в зависимости от "горизонтности" выбранной исследователем оптики и решаемых им практических задач (в нашем случае – задачи по оптимизации потерь). Ключ к разрешению этой оппозиции дан в диалектике Гегеля посредством принципа круга кругов и, соответственно, концептуальной "дополнительности" его по отношению к принципам системности и тождества.

б) теорема об объекте;

Определение объекта как структурного компонента теоремы об абстрактном с внешней стороны тавтологично: он есть позитивное выражение обезличенного действия. И, с другой стороны, обоснование его как части целостной системы, поскольку таковое возможно за пределами плоских тавтологий, восходит к принципу наблюдаемости. В трансцендентальном идеализме этот принцип задан гносеологической диспозицией трансцендентального и эмпирического субъектов кантовской метафизики. Неразрешимая для кантовской дуалистической гносеологии дилемма, связанная с разведением чистой мысли и действия, и производный от нее агностицизм по отношению к объекту (вещи) снимается у Гегеля в монистической теории субъекта-наблюдателя, чье бытие и мышление тождественно.

Подобная концептуальная "сборка" априорна и тавтологична в хорошем смысле слова, как любое в-себе-сущее бытие, которое дает начало новым бифуркациям и не поддается тривиальному объяснению. По крайней мере, так определяет когитологию сборки Н.Н. Моисеев, сочетающий в своем мировоззрении признаки оптимизма и пессимизма. Не вдаваясь в мировоззренческий анализ этой проблемы, мы можем лишь сослаться на интерес Моисеева к принципу обратной связи, через который, согласно сформулированной Акоффом и Эмери закономерности, раскрывается фундаментальная взаимообусловленность энергетического и информационного обмена в материальных системах [7]. Коль скоро допустима ретроспекция в духе Т. Куна, когда новая парадигма позволяет переосмыслить всю предшествующую историю науки в проекции на ее постулаты, то в гегелевской философии природы обе вышеозначенные формы обмена между материальными системами субстанциально едины, тогда как у Канта они разведены на метафизической основе, близкой к картезианству.

Мы полагаем, что противопоставление монизма и дуализма в означенной области не имеет существенного значения, коль скоро исходить из принципа дополнительности. Смысл удачной концептуализации идеи вещи или объекта заключен не в прагматике, противопоставленной "чистому" умозрению, а в праксеологии, в том, насколько работоспособна философия объекта, а построенная на ее основе научная теория

осуществляет свои основные когнитивные функции, в том числе – функцию описания, объяснения, обоснования и прогноза. В праксеологическом смысле приемлемо структурное оформление объекта, которое принимает у Гегеля вид метаморфоз, соответствующих категориальной сетке «явление-сущность-действительность». Работая над «Капиталом», К. Маркс нашел в этой и в релевантных ей структурах ключ к открытию тайны прибавочной стоимости. Данная триада отражает функциональную динамику мира объектов, имеющую изоморфный синергетическим процессам вид. У нее есть корреляты, транслирующие первичные эмерджентные свойства системы вещей на математический язык в топологические модели и инфинитезимальные исчисления. Примером таковых является применение аппарата кривых безразличия в экономической теории и некоторых других областях социологических исследований уровня «макро».

Выбранная при описании класса объектов оптика задает отличия в применении количественных средств анализа. Уровню «макро» соответствуют, как правило, динамические модели и линейные функции. На уровне «микро» алгоритмическое описание нуждается в использовании средств дискретной математики с ее вероятностным инструментарием. При этом меняются требования к оценке характера и степени включенности субъекта в теоретическую модель объекта. Эти требования должны соответствовать уровневой структуре мира объектов, их целевому использованию, сопряженному с возможностью искусственной организации переходов между сопредельными уровнями и, соответственно, технологического конструирования сложных систем многоуровневого характера.

И, наконец, нельзя не сказать о том, что прогностические возможности науки по отношению к ситуациям с нечетко определенными условиями при всех ограничениях, фундированных Юмом, Гёделем или Шредингером, сохраняются благодаря морфологическим эффектам фрактальности, структурной изоморфности, симметрии и, наконец, законосообразности, описываемым как средствами диалектики, так и на языке синергетики.

в) теорема о субъекте;

Обоснование теоремы о субъекте восходит к принципу объективации. Смысл этого принципа в демонстрации субъектом целефункциональной активности посредством способности согласовывать действия в предметном мире и управлять их результатами. Целефункциональность выступает как сущностная характеристика субъекта, способного соизмерять свою активность с множеством процессов и состояний окружающего мира и формировать их синергию, ориентируясь на полезный результат, масштаб которого определяется уровнем информированности субъекта, его знаниями и опытом.

Вопрос о прогнозируемости взаимодействий связан при этом с проблемой предельного перехода между системами разного уровня. Как ни парадоксально, эвристическое значение идей классической философии в этой ситуации ничуть не ослабевает, а идея объективации в соотнесении с абстракцией абсолютного субъекта находит специфическое продолжение в двух версиях антропного принципа современной космологии. Непостижимая ирония Мирового Духа, о которой говорил Гегель, пародируя идею классика либеральной политэкономии Адама Смита о невидимой руке рынка, обретает свое инобытие в постнеклассической "демонологии" Картера и Уилера [8]. Да и сама "демонология" как хитроумный эвристический прием (если не сказать: софистическая уловка) продолжает жить по идеологическим законам вольтеровского деизма, блестяще адаптированного к ситуации постмодерна Жаком Деррида.

В такой духовной ситуации философской "теодицеей", которая спасает трансцендентальный субъект от ответственности за рост многообразия и массовизации действия, становится идея множества миров. Но поскольку практические эффекты означенного многообразия оказываются функционально зависимыми не только от информированности эмпирического субъекта, но и от коллизии интересов, ценностей и предпочтений, вносящих диссонансы в механизм "сборки" глобальной целостности, проблем и парадоксов как будто не становится меньше. Абстракция трансцендентального субъекта в таком контексте неизбежно деперсонализируется, возвращая обыденное сознание от религиозного представления о предопределении к квазимифологической идее слепого рока. Выходом из тупиков "демонологии" скептицизма, оборачивающегося в реальной практике против человека как высшей ценности бытия, как раз и становится антропный принцип, дополненный трансцендентальным плюрализмом в форме означенного множества миров.

И поскольку на теоретическом уровне речь может идти о "дополнительности" как сознательно используемом принципе, вступают в дело

аппроксимации, в которых абстракция иерархического бытия, подчиненного единой воле и принципиальной законосообразности мироустройства, принимает вид дерева целей. В идеологии восстанавливается популярность стоической теодицеи, объяснявшей и оправдывавшей кризис античной идеи полиса (в наших условиях ей соответствует кризис идеи национального государства) в терминах агностицизма, а ее метафизическим дополнением выступает перспектива очередной "сборки" идеологием, на манер христианского синкретизма. Резонансными формами такой "сборки" становятся всевозможные экуменические и космополитические идеи – начиная с тейярдизма, пытавшегося синкретически объединить науку с теологией, и кончая глобальным эволюционизмом как версией ноосферной идеи, ориентированной на сугубую научность.

Анализируя эти противоречивые тенденции и освобождая их от идеологической шелухи, следует отчетливо ставить вопрос о функциональном упорядочении работы социальных институтов различного уровня, построенной по принципу приоритетов и переводящей идею множественности миров в конкретную прикладную задачу.

г) теорема о предмете.

Теорема о предмете подводит черту под философским обоснованием концепта, чтобы передать дело конкретной теории. Предмет – это граница перехода от умозрения к позитивному знанию, сопряженная с рефлексией о методе [9, 44-47]. Не случайно обоснование теоремы о предмете восходит к диалектическому принципу оборачивания как в ситуации распредмечивания, – когда герменевтика объекта транслируется субъектом в систему символов и смыслов, конституирующих предметную область в форме теории, – так и в обратном направлении, при объяснении объективации, принимающей форму опредмечивания.

Следует, конечно, различать опредмечивание и объективацию, которая не удовлетворяла Н.А. Бердяева [10], но без которой не обходится дело на дальних подступах к теореме о предмете. Эмпирический субъект отнюдь не соответствует идеалу всеведения, а убедительное объяснение несовершенств этого мира может быть дано лишь на основе эволюции форм отражения (и информационного взаимодействия). Так, информационная энтропия в пространстве социальной истории тем ниже, чем богаче естественный язык и объектные языки, сопровождающие процесс распредмечивания, и на порядок отличается от форм объективации и опредмечивания, расположенных за пределами теоретического знания и речевого общения, в пространстве психического отражения и примитивных чувственных интуиций. К пониманию этих различий восходит критика Гегелем немецких романтиков.

Кроме того, надо иметь в виду, что благодаря оборачиванию возникает иллюзия, будто в структуре абстрактного объект способен полностью раствориться в предмете, вытесняющем его "внизу", – где якобы абсолютно невозможно бытие рафинированных «вещей в себе» вследствие перманентной процедуры опредмечивания. В то же время "вверху" этот самый предмет, – сформировавшийся изначально вследствие распредмечивания и представляющий собой, по сути, чувственную тень вещи, – способен узурпировать пространство идеального и как бы устанавливать свою тотальную монополию на способ концептуального расширения абстрактного по мере его реалистического восхождения к конкретному. Понятно, что простое пересказывание гносеологического мифа Платона в терминах отражения недостаточно для объяснения этого занятого феномена, именуемого в наше время конструктивным реализмом, хотя бы потому, что оно всегда будет тавтологично по отношению к методу оборачивания. Фейербах всерьез не оппонирует Гегелю, а является его редуцированным отображением на плоском экране механистического и антропологического материализма. Нечто похожее, но в ином семиотическом регистре (учитывающем оригинальную диалектику мифа А.Ф. Лосева) может быть озвучено насчет мифоцентрической критики метанарраций.

Ключ к сущностной интерпретации этого когнитивного эффекта – в том особом положении, которое занимает субъект в диалектике распредмечивания и опредмечивания. Феномен, который мы описываем, со времен Аристотеля определялся как гипостазирование – отрыв сознания от практической основы и неадекватное превращение его в демиурга процесса. В новое время эта проблема с известной периодичностью приводила гносеологию к скандальной ситуации, описанной в терминах солипсизма и исчезновения материи, а также к критике метафизики присутствия и логоцентризма, результат которой не отличался по аксиологическим параметрам от кьеркегоровского (коль скоро сравнивать его с работами Ж.П. Сартра). Воспроизводя общую динамику этого процесса, следует иметь в виду, что цикличность его может быть объяснена на основе бифуркационных моделей, с уточнением некоторых качественных характеристик, относящихся в данном случае не к эволюции религии, а к

периодическим изменениям в онтологии сознания [11].

На рубеже нового тысячелетия перманентный кризис теории сознания выходит за пределы старых метафизических споров и становится частью глобальной проблематики, а ее онтологические коллизии разрешаются на основе современных представлений об обменных процессах в структуре материи. Больше того, исследования ноосферной школы показали, что структура этих процессов сопряжена с необходимым балансом, при котором новые формы накопления информации не имеют перспективы в будущем при нарушении энтропийного баланса между живым веществом и костной материей. И только при условии сохранения существующих форм жизни на планете человечество имеет шанс войти в ноосферное состояние, соответствующее критериям системной трансформации форм целостности, включающих в себя неживую, живую и мыслящую материю.

В пределах постановки проблемы сборки концептов подобное расширение вопроса о предмете исследования (в нашем случае – ассоциированном субъекте) означает переосмысление леммы об исходных уровнях предмета, включение в нее нового уровня структурной организации мира объектов, семантически определяемого приставкой «мега». А реконструкция новой реальности средствами акциональной эвристики и прежде всего теоремы об абстрактном потребует включения в модель "эмпирического субъекта" наряду с ассоциированными в социальные институты и мировое сообщество индивидами такого полноправного актора глобальных процессов, как «природа <которая> знает лучше» (Б. Коммонер).

Интерпретация задачи Бранского в этой ситуации принимает вид игрового конфликта общества и природы, цель которого – оптимизация потерь обоих участников на базе "операции по принуждению к миру". А решение становится возможным на основе существующих теоретико-игровых аппроксимаций, но не только их. Ибо поскольку "горизонтность" исследования подымается в этом случае на качественно новый уровень, не исключено применение в этой области топологических моделей, которые описывали бы динамику развития основных факторов глобального процесса (рост научного знания и технологическая сингулярность, динамика народонаселения и энтропия живой материи) в линейных моделях. Больше того, такие прогностические модели и расчеты уже существуют. Дальнейшее движение в этом предметном поле требует обращения к конкретному материалу глобальных исследований, которое переводит аналитическую работу на иной онтологический уровень.

Список литературы

1. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории / В.П. Бранский // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 117-127.
2. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 511 с.
3. Аверинцев С.С. Ритм как теодицея / С.С. Аверинцев // Новый Мир. – 2001. – №2. – С. 203-205.
4. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ / Н.Н.Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – №1. – С. 3-30.
5. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 302 с.
6. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
7. Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери. – М.: Советское радио, 1974. – 272 с.
8. Казютинский В.В. Антропный принцип / В.В. Казютинский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. I. – С. 131-132.
9. Хайдеггер М. Время картины мира. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
10. Бердяев Н.А. Творчество и объективация / Н.А.Бердяев. – Мн.: Экономпресс, 2000. – 304 с.
11. Бранский В.П. Синергетическая теория идеологии и религиозное мышление (введение в синергетическую философию религии) / В.П. Бранский. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 688 с.

Надійшла до редакції: 13.04.2012

О.М. Іщенко (Донецький національний технічний університет)

**ЛОГІКО-МЕТОДОЛОГІЧНИЙ
ПОТЕНЦІАЛ ДІАЛЕКТИКИ В СИНТЕЗИСІ
З СОЦІАЛЬНОЮ СИНЕРГЕТИКОЮ:
(ПРОБЛЕМА ЗБІРКИ КОНЦЕПТІВ)**

На основі додатковості методів діалектики і синергетики в статті запропоновано обґрунтування концепту сталого розвитку. Компаративний аналіз точок зору В.П. Бранського і М.М. Моїсеєва приводить автора до ідеї збірки концептів, яка дає ключ до вирішення питання про сталий розвиток як задачі по оптимізації втрат.

Ключові слова: діалектика, синергетика, додатковість, сталий розвиток, механізми збірки, збірка концептів, логіка дій, теореми діалектичної логіки, проблема глобального управління, оптимізація, теорія ігор, асоційований суб'єкт.

A.N. Ishchenko (Donetsk National Technical University)

**LOGICAL AND METHODOLOGICAL
POTENTIAL OF DIALECTICS IN THE
SYNTHESIS OF SOCIAL SYNERGETICS (THE
PROBLEM OF CONCEPTS SELECTION)**

The article suggests the reasoning of the concept of sustainable development which is based on the complementarity of the dialectic and synergetics methodology. Comparative analysis of the viewpoints of V.P. Branski and N.N. Moiseev leads the author to the idea of concepts assembly, which provides the key to solving the problem of sustainable development through the optimization of losses.

Keywords: dialectics, synergetics, complementarity, sustainable development, mechanisms of assembly, concepts assembly, logic of action, theorems of dialectical logic, problem of global governance, optimization, game theory, associated subject.

[1]

Несмотря на пародийное вступление и некоторую ироничность последующих рассуждений (которая может быть опознана читателем через двойное написание кавычек), мы намерены сохранить позитивное методологическое содержание в приращениях смысла, на которые способна философия даже на стадии ее постмодернистского самоопределения.

[2]

Здесь и далее мы будем пользоваться термином "задача Бранского" для лаконичности. Содержание этого термина мы связываем с поиском определений ассоциированного субъекта и целефункциональности его действий в условиях неопределенности.